

ФОНД 301 «БАКИНСКИЙ КОМЕНДАНТ» КИЗЛЯРСКОГО КОМЕНДАНТСКОГО АРХИВА ЦГА РД КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКИХ ГАРНИЗОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ПРИКАСПИЯ В 1722–1735 гг.

Иноземцева Е.И., Муртазаев А.О., Чекулаев Н.Д.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75); inozemceva47@mail.ru

В рамках научной статьи авторы, приводя данные первоисточников, впервые вводимых в научный оборот, рассматривают фонд 301 «Бакинский комендант» Центрального государственного архива Республики Дагестан в г. Махачкале как источник по истории гарнизонов Низового корпуса Российской армии на Западном и Южном побережьях Каспийского моря в 1722–1735 гг. на территории современных Азербайджана и Ирана. В статье обосновывается и подчеркивается значение первоисточников, до сих пор не попавших в поле зрения исследователей, для изучения роли гарнизонов Низового корпуса в осуществлении восточной политики Российской империи в первой четверти XVIII в. Изучение имеющихся документов фонда «Бакинский комендант», как и фонда «Дербентский комендант», позволит осветить широкий спектр вопросов, раскрывающих опыт различных форм взаимодействия с местным населением, дополнить новыми и уточнить уже известные важные штрихи в освещении и понимании этой масштабной внешнеполитической акции России петровской эпохи.

Ключевые слова: Западное и Южное побережье Прикаспия, Османская империя, Персия, Бакинский гарнизон, Дербентский гарнизон, Низовой корпус российской армии, Баку, Дербент, Гилян, Астара, фонд «Дербентский комендант», «Бакинский комендант», пошлинные сборы, абас и полуабас, ген.-аншеф Левашов В.Я., ген.-л. Матюшкин М.А.

FUND OF 301st OF "BAKU COMMANDANT" OF KIZLYAR COMMENDANT OF ARCHIVE CSADR AS SOURCE ON HISTORY OF EMPEROR GARRISONS ON THE TERRITORY OF WEST AND SOUTH OF CASPIAN SEA IN 1722-1735

Inozemtseva E.I., Murtazaev A.O., Chekulaev N.D.

Institut of History, archeology and ethnography of the Daghestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences (367030, Makhachkala, M. Yaragsky St., 75); inozemceva47@mail.ru

The authors consider Fund of 301st of "The commandant of Baku" of the Central State Archive of the Republic of Dagestan in Makhachkala by showing information of original sources that they introduced in the scientific revolution first as a source for the history of grassroots of Nizovoy corps of the Russian army in the West and the south coast of the Caspian Sea in 1722 -1735 years on the territory of modern Azerbaydzhan and Iran in this scientific article. It is explained and underlined the importance of original sources which has not yet come into the view of researchers to study the role of grassroots of Nizovoy corps in the implementation of the Eastern policy of the Russian Empire in the first quarter of the XVIII century in this article. It will highlight the wide range of problems a study of available documents of "The commandant of Baku" fund as the fund of "Derbent commandant" revealing the experience of various forms of interaction with the local population, to add new and update the known important traits in the coverage and understanding of this major foreign policy actions of Russia in the Peter's epoch.

Keywords: the western and southern coast of the Caspian region, the Ottoman Empire, Persia, the garrison of Baku, the garrison of Derbent, the Nizovoy corps of the Russian army, Baku, Derbent, Gilyan, Astara, Fund of "Derbent commandant", "the commandant of Baku", duty fees, abas and half abas, gen -anshef Levashov, General-Leytenant Matyushkin M.A.

Одним из ключевых вопросов, связанных с изучением сложных и неоднозначных геополитических процессов на Кавказе в контексте восточной политики России, является история присутствия в Западном и Южном Прикаспии в 1722–1735 гг. российской императорской армии. В условиях перманентного соперничества Османской империи и шахской Персии за сферы влияния на Кавказе московская дипломатия последовательно и

целенаправленно стремилась к утверждению своего влияния на народы региона. Важнейшим звеном в утверждении российской державности на Восточном Кавказе являлось присутствие и деятельность здесь Дербентского и Бакинского гарнизонов Низового корпуса императорской армии. Каспийский (Персидский) поход Петра I 1722–1723 гг. «стал масштабной попыткой реализации имперских задач внешней политики России на Востоке», ее первой серьезной внешнеполитической акцией за пределами традиционной сферы ее влияния – в регионах другого цивилизационного пространства в условиях иной социокультурной среды [6].

В результате летней кампании 1722 г. русская армия заняла лишь Аграханский п-ов, развилку реки Сулак и Аграхань, где была заложена крепость Святой Крест, а также Дербент. Во время шторма на Каспии погибла русская эскадра и затонул провиант, после чего император решил вернуться в Петербург, оставив войска на приобретенной территории.

В следующем, 1723 г., русские войска вновь перешли к активным действиям: развернули строительство крепости Святой Крест, проводили оборонительные мероприятия в Дербенте, в Гиляне, штурмом взяли Баку, заняли Сельяны, Решт, укрепляли на занятых территориях свои позиции.

После Каспийского похода в течение пятнадцати лет Россия создавала военно-колониальную администрацию на землях современного Дагестана, в прикаспийских провинциях современных Азербайджана и Ирана, содержала экспедиционный контингент – Низовой корпус и флот, выстраивала отношения с местной элитой, накапливала опыт различных форм взаимодействия с населением – от карательных экспедиций до приспособления к местным культурно-историческим традициям. Была также предпринята попытка экономического освоения этих территорий [4], заселения их христианским населением – армянами и грузинами [6].

На наш взгляд, этот период истории указанного региона несколько обойден вниманием отечественной историографии. И сегодня так важно и своевременно восполнить этот пробел свидетельствами различной ценности и информативности, содержащимися в первоисточниках фондов 18 «Дербентский комендант» и 301 «Бакинский комендант». Вышеназванные фонды находятся в одном из уникальных хранилищ документов по истории народов Северо-Восточного Кавказа и Западного Прикаспия «Кизлярский архив» ГУ «ЦГА РД» в г. Махачкале, включающем в себя более 8 тыс. единиц [1], [8].

Эти первоисточники, еще не вводившиеся в научный оборот, могли бы дополнить новые и уточнить уже известные, важные штрихи в освещении и понимании масштабной военно-политической акции России петровской эпохи.

Как известно, многие из стоявших в Дагестане, Азербайджане и Гиляне полков Низового корпуса в XVIII в. были расформированы, а их архивы утрачены. Тем значимее и интереснее дошедшие до нас документы, в частности, фондов: 301 «Бакинский комендант», 18 «Дербентский комендант»; 341 «Рященская судная канцелярия»; 366 «Штаб Низового корпуса» и др., которые в 1735 г. были перевезены в Кизлярскую крепость и сегодня хранятся среди фондов «Кизлярского комендантского архива». Извлеченные нами документы из фондов 18 и 301 написаны русской скорописью XVIII в. и представляют собой внушительный блок документов, содержащих сведения за 1720–1734 гг. по истории Низового корпуса российских вооруженных сил в Западном Прикаспии, отражающих все стороны жизнедеятельности императорских гарнизонов и, что особенно важно, до сих пор не попавших в поле зрения историков.

Пример пребывания российских войск в Прикаспии дает возможность рассмотреть роль гарнизонов Низового корпуса в осуществлении восточной политики России в регионе. За сухими строками рапортов, дипломатических реляций и финансовых отчетов из ф. 18 «Дербентский комендант», ф. 301 «Бакинский комендант», имеющихся в нашем распоряжении, можно рассмотреть и оценить опыт первой масштабной колониальной экспансии Российской империи в условиях непривычной социокультурной среды с собственными традициями государственности, религии и культуры.

Бесспорно, что экономические факторы в восточной политике России играли весьма значительную роль, без уяснения которой трудно понять глубинные причины российской активности в Западном и Южном Прикаспии. Огромное значение для укрепления позиций России на Востоке имела торговля с прикаспийскими областями Ирана, Азербайджана и Дагестана. Один из векторов сложного комплекса различных по характеру, но взаимосвязанных вопросов программы восточной политики России – овладение стратегической инициативой для перемещения восточной торговли с Европой на Волжско-Каспийскую магистраль, перехватив огромные доходы от «шелкового транзита» мирового значения у османской империи [3]. (В XVII–XVIII вв. в экономике шелк отчасти напоминал нынешнюю нефть: так войны крупнейших морских держав Франции и Англии вызвали скачек цен на шелк.) Пошлинные сборы за провоз и продажу шелка-сырца, с производства шелковых тканей в Южном и Западном Прикаспии, находящихся во власти России, составляли немаловажную статью доходов колониальных властей на местах.

Как только между российской и иранской сторонами был подписан договор об уступке России прикаспийских провинций, согласно правительственным указам, российскому командованию, военачальникам на местах вменялось в обязанность немедленно приступить к сбору податей и пошлин с населения «вновь приобретенных» владений в царскую казну.

Так, генерал-лейтенант М.А. Матюшкин был обязан «в Баку пошлины собирать». Причем требовалось собирать не только текущие платежи, но и недоимки за прошлые годы, т.е. еще до российского там присутствия. С жителей Баку следовало взыскать шаховы пошлины «за те лета, за которые они не присылали...». Правителю Гилляна генерал-аншефу В.Я. Левашову указ предписывал «приняться за доходы» и взимать их, «как доброму и верному человеку надлежит», а особенно взыскивать то, что «по карманам шло» [5].

По свидетельству имеющихся в нашем распоряжении первоисточников из ф. 301 «Бакинский комендант», налоги взимались с караван-сараев, рыбных ловель, с сетей; торговые пошлины с продажи шелка, хлопка, «За продажной хлеб», а именно: за ячмень, пшеницу, просо, за продажу табака, «коровья масла», сыра, меда, душаба, кишмиша, солода, мыла; подати за откуп «рахтару», караван-сараев, «нефтяных колодцев», соленого озера, «шелковых заводов», а также сошные деньги (с каждой сохи по 10 коп.), пастушные («чубанные») и т.д. и т.п. [2].

Так, 13 января 1730 г. «в Куринской крепости принято в казну Его Императорского Величества за 1729 год от Сальянского наипа... сошных денег в разных приемы... российскими 172 рубли 30 копеек, персицкими 46 рублей и всего 218 рублей 30 копеек и во уверение ему дана квитанция».

Тогда же «...собранных пастушных чубанных денег российских – 16 руб. 50 коп. Всего 30 руб.».

12 февраля 1730 г. «...за откуп Сальянского рахтару... российских денег 166 руб., персицких 40 руб. Всего 206 руб.».

21 апреля 1730 г. «... собранных с кочевых кошар с баранов российских денег 19 руб 70 коп., персицких 14 руб. 30 коп. Всего 34 руб.».

14 мая 1730 г. «...с рыбной ловли с садков, с лоток и с сетей российских денег 374 руб., персицких 100 руб. Всего... Принято 474 руб.» [2].

Пошлинные сборы взимались как российской, так и «персицкой» монетой. Небезынтересны, на наш взгляд, данные «Ведомости о состоянии денежной казны в Астаринском гарнизоне», которые раскрывают перед нами следующие обстоятельства: из имеющейся в казне суммы в 8646 руб. 43 коп. 1/2, 1/8 при осмотре оказалось «персицкою монетою негодных абас медные 164 рубли 60 коп., полуабас медные – 39 рублей 60 коп., абас свинцовых 205 рублей 60 коп...». Далее в «Ведомости» отчитывающийся капитан князь Богдан Мещерской пытается объяснить такой недосмотр: «...онья деньги медныя и свинцовыя абас и полуабас при отдаче в провинциальной канцелярии от здешняго лукаваго народу в приеме по указу российския поверенныя щетчики... при приеме прознать не могли и к здешней и к персицкой монете не обыкновенны и потому фальшивыя абасы и полуабасы

и поныне знать не могут. А мнением своим признаваем, что от лукавого персического народу оныя фальшивыя деньги абас и полуабас были посеребряны и в деньгах в отвозе обтерлись...». Поэтому по мнению капитана Б. Мещерского следует подключить к осмотру принимаемых налоговых поступлений жителей Баку из армян и индийских купцов, которые хорошо разбираются в местных денежных знаках [2].

При «русском владычестве» в Западном и Южном Прикаспии административное деление на «махале» и «нахийе» было сохранено. Управление в них оставалось в основном в руках феодалов, принявших русское подданство. За ними были сохранены и многие прежние привилегии. Поступившим на русскую службу назначалось жалованье. Например, дербенсткому наибу годовое жалование – 1000 рублей [7].

В фонде № 301 «Бакинский комендант» (сохранились среди расходных статей) мы обнаруживаем следующее: «из остаточных от расходу в 1727 году из провинциальных в генваре по указу его светлости генерал-фельдмаршала и ковалера князя Василья Володимировича Долгорукова, писанному прошедшего 1727 году декабря 25 дня Астаринской провинции Мусахану за показанные к Его Императорскому Величеству верности по прежним персидским обычаям как ему от прежних шахов давалось жалование до пред будущаго Его Императорского Величества указу в приказ дано – 1000 рублей» [2].

Генерал-аншеф В.Я. Левашов, став командующим российскими войсками в «новозавоеванных провинциях» Прикаспия и фактически российским наместником в регионе, осуществляя намеченную Петром Великим программу действий, организовал целую разведывательную сеть: «Повсюду шпионы от нас непрестанно отправляютца», – доносил Левашов императрице Анне Иоанновне в сентябре 1731 г. [6]. Приходно-расходные книги администрации 1729–1731 гг. из фонда «Бакинский комендант» архива содержат не только имена этих «шпионов», но и другие важные сведения, как, например: «Бывшему генерал-майору Штеришанцу на дачу шпионам и посылаемым с нужными письмами и приносящим об неприятелей верные ведомости дано на 1728 год – 100 рублей» [2].

С 1726 г. эти «шпионы» из местных регулярно направлялись в Решт, Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед и др. города и, возвратясь через две-три недели, доставляли собранные сведения и слухи.

За 15 лет пребывания в Западном и Южном Прикаспии численность Низового корпуса постоянно колебалась. 17 пехотных полков Корпуса оставались в регионе до конца существования там российской администрации. В сентябре 1731 г. большая часть пехоты располагалась в Гиляне и в Астаринской провинции. Ширванский и Бакинский полк составляли гарнизон Баку, Дербентский и Дагестанский – Дербента. Все семь драгунских полков и Тенгинский пехотный полк располагались в крепости Святой Крест [6].

В Баку стекалась вся повседневная документация, которая велась на уровне гарнизонных канцелярий и полковых штабов Низового корпуса, которая и отложилась в освещаемом нами фонде «Бакинский комендант», хранящемся ныне в Центральном госархиве Республики Дагестан в объемном «Кизлярском комендантском архиве».

Приведенные нами краткие сведения, ограниченные форматом статьи, тем не менее свидетельствуют о необходимости введения в научный оборот важных материалов фонда «Бакинский комендант» по проблемам истории императорских гарнизонов Низового корпуса в Западном и Южном Прикаспии в 1722–1735 гг., сделав их достоянием широкого круга исследователей.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00039, «Императорские гарнизоны на территории Западного и Южного побережья Каспийского моря в контексте восточной политики России (1722–1735 гг.)».

Список литературы

1. Гаджиев В.Г. Архив Кизлярского коменданта // Известия СКНЦВШ (Серия общественные науки). Ростов-на-Дону, 1978. № 2. С. 6–12.
2. Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан». Ф. 301. Бакинский комендант. Оп. 1. Д. 51, 52, 53, 54.
3. Иноземцева Е.И. «Шелковый транзит» из Персии через Дагестан и Россию в Европу – важный фактор развития российского торгового судоходства на Каспии в XVIII веке // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2011. № 42. С. 69–73.
4. Иноземцева Е.И. Дагестанский вектор кавказской политики Петра I // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха: Материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской империи». Махачкала, 2012. С. 121–126.
5. Инструкция Коллегии иностранных дел бригадиру В.Я. Левашову об управлении прикаспийскими провинциями // Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / Ответ. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. С. 51–52.
6. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. С. 9.
7. Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку: Эльм, 1993. С. 132.
8. Чекулаев Н.Д. Коменданты крепостей как источник о пребывании российских войск в Дагестане в XVIII веке // Архивный фонд Республики Дагестан как информативный ресурс

общественно-политического, экономического и культурного развития республики: Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Государственной архивной службы России и 85-летию Архивного дела Республики Дагестан. Махачкала, 2008. С. 139–145.

Рецензенты:

Алиев Б.Г., д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала;

Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.